

произведения литературы Древней Руси, чему посвящаем последующие параграфы данной главы диссертационного исследования.

1. 2. История текстологического изучения ПВЛ. Текстологическая стратификация ПВЛ и содержащих ее летописей XIV – XV вв.

В противоположность печатному тексту Нового времени, гомогенному по атрибутам авторства, времени и места создания, средневековый текст предстает во множестве вариантов (списков), сохранивших следы (разночтения) своей многовековой истории, всегда является плодом сотворчества многих переписчиков и редакторов – “коллективного автора”. Поэтому лингвистическому исследованию ПВЛ должна предшествовать текстологическая атрибуция летописи.

На значении текстологической атрибуции при изучении памятников древней письменности на примере ПВЛ заострил внимание О.В. Творогов: без текстологической базы любая работа, посвященная анализу памятника древней культуры, оказывается на зыбкой почве, теряет аргументарную силу, так как получаемые в ходе исследования выводы напрямую зависят от привлекаемого объема источников и их текстологического соотношения [Творогов 1984, с. 8 – 10].

История возникновения русского летописания привлекала внимание не одного поколения исследователей. Начало научного изучения летописания связано с именами В.И. Татищева (1686 – 1750) и А. Шлецера (1735 – 1809). А Шлецер, зачинатель критического изучения древнерусского летописания, стремился реконструировать первоначальный текст Нестора при помощи методов классической критики текста (путем очищения текста от позднейших искажений на основе стемматической группировки списков ПВЛ) [Гиппиус 2002, с. 64]. Уже в XIX в. не вызывало сомнений, что летописи были сводами, причем дошедшие летописные своды сохранили лишь малую часть историографического наследия Древней Руси [Кузьмин 1977, с. 15]. Летописание представлялось единым вековым деревом, а его

основателем считался Нестор.¹ Указанные представления нашли воплощение в обзоре И.И. Срезневского “Древние памятники русского письма и языка” [Срезневский 1861-а, -б]. И.И. Срезневский начало летописания относил к периоду до 986 г. (создание Начальной летописи Русской) и считал, что данная летопись заключала в себе “замѣтки о событіяхъ до смерти Святослава” [Срезневский 1861-а, с. 8], ограниченные тематически: “въ Содержаніе этой лѣтописи вошли краткія замѣтки о событіяхъ, почти исключительно военныхъ” [Срезневский 1861-а, с. 9]. На основе “перечня лет” составление “Повести временных лет” И.И. Срезневский отнес к 1114 – 1115 гг. и выделил источники ПВЛ: “Повѣсть временныхъ лѣтъ” оканчивается 6618 = 1110 годомъ, и заключаетъ въ себѣ не только повременныя замѣтки о событіяхъ, взятыя частію изъ прежнихъ лѣтописей, частію изъ лѣтописей Греческихъ и изъ преданій, но и много вставочныхъ статей, между прочимъ и актовъ, давая знать, что существовали на Руси во времена ея написанія и нѣкоторые другіе важныя памятники...” [Срезневский 1861-б, с. 86].

В XIX в. текстологические и лингвистические исследования летописей носили характер наблюдений, использовалась лишь возможность текстологического разложения летописных текстов на отдельные элементы для вычленения их источников. Выявленные “подлинные” таким способом первоисточники использовались как историко-лингвистический материал (метод “расшифровки” [Лурье 1976 с.5]). Такова работа М.П. Погодина “О Поученіи Мономаховомъ”, в которой автор задался целью определить время и место написания, состав и историю создания “Поучения Владимира Мономаха”, сопоставить сведения “Поучения...” с летописными известиями [Погодин 1861, с. 234 – 244]. М.П. Погодин одним из первых обратил внимание на то, что летопись является композиционной и идейной основой вставных сообщений.

¹ Свообразным итогом данного направления изучения ПВЛ стало издание, осуществленное А.Ф. Бычковым в 1872 г. [Ostrowski 2003].

В 1896 – 1897 гг. было опубликовано описание языка ПВЛ по Лаврентьевскому списку, осуществленное Н.П. Некрасовым [Некрасов 1896, с. 832 – 927]. Исследователем были описаны особенности графики, орфографии и морфологии списка, на основе которых Н.П. Некрасов установил, что на указанных уровнях в Лаврентьевской летописи запечатлены различия в узуальном употреблении первого и второго переписчиков. Выводы исследователя не утратили актуальности и по сей день, так как нивелируют роль подобных разночтений при текстологической стратификации ПВЛ.

Принципиально новый этап в изучении русских летописей связан с именем академика А.А. Шахматова (1864 – 1920). А.А. Шахматов в начале XX в. при помощи сравнительно-исторического метода филологического исследования создал гипотезу о составе, источниках и редакциях ПВЛ (приложение 2.1.). Результаты исследований А.А. Шахматова были изложены в работах “Разыскания о древнейших русских летописных сводах” [Шахматов 2001-а], “Повесть временных лет” [Шахматов 1916] и “Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв.” [Шахматов 1938].

На основе вставок, обнаруживаемых в составе ПВЛ (четвертая месь Ольга, договоры русских князей и пр.) при сопоставлении основных списков ПВЛ и Новгородской первой летописи младшего извода (а также Новгородской четвертой и Софийской первой летописей)¹ А.А. Шахматов сделал вывод о том, что в составе Н1Л сохранился текст более древний, чем в ПВЛ, так как Н1Л не могла быть простым сокращением ПВЛ. В ней нет ни единой выписки из Хроники Георгия Амартола, договоров с Греками, текст не разорван вставками – такому систематическому сокращению летопись не могла быть подвергнута. Летописец, составивший ПВЛ, расширил свод

¹ “Все списки П. временных лет можно разделить на два главных семейства, сообразно с данными помещенных в них хронологических таблиц, где указано число лет между главными событиями всемирной и русской истории. В первом семействе списков (сюда относятся Лаврентьевский, Ипатьевский и сходные с ними списки) хронологическая таблица помещена под 852 годом и последним событием в ней названа смерть вел. князя Святополка Изяславича, относящаяся к 1113 г. Во втором семействе (списки летописей Софийских, Новгородской 4-й) таблица читается под 883 г., при чем последним указан калкский бой (1223 г.)...” [Шахматов 1999].

многими материалами, почерпнутыми из различных источников, и довел до своего времени. Этот свод, положенный в основу ПВЛ и НІЛ был назван “Начальным”. Дальнейшие исследования А.А. Шахматова показали, что в составе Начального свода (на основе мотивного и композиционного анализов) также различимы вставки, указывающие на наличие еще более ранних сводов.

Древнейший Киевский летописный свод был датирован А.А. Шахматовым 1037 – 1039 гг., его составление исследователь приурочил к постройке Софийского храма в Киеве. Этот свод, по предположениям А.А. Шахматова, возник на основе переводных греческих хроник и местного фольклорного материала и характеризовался прославлением Ярослава Мудрого. На основании вычленяемых сообщений новгородского происхождения исследователь предположил наличие Новгородской летописи, созданной в 1036 г. Согласно А.А. Шахматову, на основе Новгородской летописи и Древнейшего Киевского свода в 1050 г. возник Древнейший Новгородский свод. В 1073 г. Никоном в Киево-Печерском монастыре составляется вобравший материал Древнейшего Киевского свода Киево-Печерский свод (Древнейший Киевский свод 1039 года в редакции 1073 года), распространенный записями событий после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г.

На основе свода Никона 1073 г. и Древнейшего Новгородского свода 1050 г. в 1095 г. создается Начальный свод, дополненный материалами греческого хронографа, выписками из Паремейника, устными рассказами Яна Вышатича и житием Антония Великого, а также сообщениями, заимствованными из областного (Новгородского и Черниговского) летописания. Это был первый общерусский летописный свод.

На материале Начального свода и была создана ПВЛ. Первая редакция ПВЛ, датируемая 1113 г., доводит повествование до 1111 г. и приписывается А.А. Шахматовым монаху Киево-Печерского монастыря Нестору. Перерабатывая Начальный свод, Нестор откорректировал хронологическую

сеть летописи, расширил и углубил идейную базу летописи – ввел ее в рамки традиционной христианской историографии. Вторая редакция была создана в 1116 г. игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, переработавшим повествование о событиях конца XI – начала XII вв. в интересах великого князя Владимира Мономаха (первая редакция отражала интересы политического противника Владимира Мономаха Святополка Изяславича, умершего в 1113 г.). Третья редакция (1118 г.), созданная духовником Мстислава Владимировича, продолжала повествование до 1117 г.

Текст первой редакции до нас не дошел. Вторая редакция отразилась в Лаврентьевской, Радзивилловской и Академической летописях, а также утраченной в 1812 г., но реконструированной М.Д. Приселковым Троицкой летописи. Третья редакция, по мнению А.А. Шахматова, лучше всего сохранилась в Ипатьевской группе летописей. Редакции ПВЛ на протяжении веков неоднократно пересекались и дошли до сегодняшнего дня в смешанном виде: известные летописи не представляют редакции в чистом виде, а лишь отражают (в той или иной степени) вторую или третью редакции.

Будучи последовательным эволюционистом,¹ А.А. Шахматов стремился к пословному восстановлению каждого из предполагаемых им сводов. Так, в “Разысканиях о древнейших русских летописных сводах” [Шахматов 2001-а] им были реконструированы Древнейший Киевский свод 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородский свод 1050 г. с продолжениями до 1079 г., а в “Повести временных лет” [Шахматов 1916] – текст первой редакции ПВЛ с указанием частей, восходящих к Начальному своду. Сама возможность подобной реконструкции базируется на эволюционистской модели:

¹ Эволюционизм А.А. Шахматова наиболее наглядно проявляется в его понимании характера литературного языка Древней Руси и его исторического преобразования – обрусения церковнославянского языка под воздействием русской речевой практики: “Наш письменный язык по своему происхождению и в своих основаниях оказывается...древнеболгарским. Его словарный состав и даже грамматические формы обличают до сих пор его иностранное происхождение”, “...уже в XI в. произошло ...преобразование древнеболгарского языка, это претворение его в русский литературный язык...”, “... в иной диалектической среде, этот язык подвергался дальнейшим изменениям, приспособляясь к местному наречию того или иного центра ...”, “Реформы Петра ...проложили путь к освобождению [литературного языка –Д. А.] от церковнославянского ига” [Шахматов -в].

ветвееобразное древо развития (генеалогическая схема), стволем которого являются сходные части летописей (протографы), а ответвлениями – расходящиеся элементы (редакции, изводы, списки). Эволюционизм подтолкнул А.А. Шахматова к привлечению всего доступного материала. Труды А.А. Шахматова отличались не только полнотой охвата, но и комплексностью рассмотрения материала, а также особым вниманием к структурным различиям (“необратимым соотношениям” [Лурье 1976, с. 7]). Однако на практике оказалось, что подобных разночтений либо слишком мало, либо они дают противоречивые результаты (перекрестные влияния второй и третьей редакций ПВЛ). Поэтому для уточнения реконструкций А.А. Шахматов вынужден был обратиться к идеологической расшифровке летописей (прагматическому анализу): “Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи ...лѣтописи должны быть разсмотрѣны двѣ лѣтописныя статьи... Въ нихъ слышится голосъ современника о событіяхъ, поразившихъ его своею жгучею дѣйствительностью; разсуждая о нихъ, онъ раскрываетъ свою душу, прибѣгая при этомъ то къ энергическому обличенію, то къ жесткой насмѣшкѣ. Рѣдко проскакиваютъ подобныя мѣста въ дошедшія до насъ лѣтописи: ихъ стирала рука переписчиковъ, уже чуждыхъ тѣхъ страстей, которыя волновали современниковъ, ихъ умысленно изгоняли редакторы официальныхъ сводовъ” [Шахматов 1903, с. 80].

Схема истории древнего летописания А.А. Шахматова была хорошо аргументирована фактическим материалом, однако вскоре были предложены альтернативные реконструкции истории создания ПВЛ. Так, В.М. Истрин, используя шахматовский принцип изучения текста в составе включающего его произведения и всего рукописного окружения, предложил реконструкцию, согласно которой ПВЛ была составлена в два приема: первая редакция относится к 1054 г., а вторая – к 1113 г. По мысли В.М. Истрина, первая редакция ПВЛ возникла вследствие распространения “Хронографа по Великому изложению” (славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола, произведенного на митрополичьей кафедре св. Софии

переводчиками Ярослава Мудрого в 30 – 40 годах XI в.) рассказами из русской истории. Первая редакция сохранилась в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях до 1054 г., но не имела вводной части и “Сказания о начале Печерского монастыря”. На протяжении XI в. ПВЛ дополнялась описанием событий после 1054 г., но редакционные изменения в текст не вносились. Вторая редакция возникла после смерти Святополка в 1113 г. Ее автором был Нестор, продолживший повествование до смерти Святополка и добавивший обширное историософское введение. Вторая редакция сохранилась в Лаврентьевской летописи. Труд Нестора был переписан в 1116 г. Сильвестром, который и поставил свое имя как переписчик [Еремин 1987, с. 44]. В.М. Истрин считал, что новгородские летописцы сократили текст ПВЛ и, таким образом, в новгородском летописании мы находим не текст, предшествовавший ПВЛ, но восходящий к ней [Творогов 1985, с. 157]. Построения В.М. Истрина были отвергнуты последователями А.А. Шахматова, так как “возражения...исходили из неполного числа фактов и не принимали в расчет всей аргументации А.А. Шахматова в целом” [Лихачев 1979]. Сомнения в существовании Начального свода высказывались (на основе наблюдений за хронологической сетью летописных сводов) и А.Г. Кузьминым: “Новгородская первая летопись дает не версию Повести временных лет и не новгородскую запись, а особую традицию...” [Кузьмин 1977, с. 236].

Последователями А.А. Шахматова (М.Д. Приселков, А.Н. Насонов, М.Н. Тихомиров) при воссоздании генеалогии летописания был абсолютизирован прием идеологической интерпретации письменных памятников: “Исследователь не сойдет с правильного пути, если будет изучать процесс развития русского летописания в связи с общим ходом общественного развития” [Насонов 1962, с. 50]. Использование идеологической интерпретации позволяло рассматривать разночтения как “областные” идеологические варианты моделируемого инварианта общественно-политических реалий той или иной эпохи [Насонов 1962, с. 501]. Ярчайшим

примером текстологического анализа такого рода служат труды М.Д. Приселкова [Приселков 1996]. И.П. Еремин подверг справедливой критике образ летописца, предложенный М.Д. Приселковым: “Проженный политик, хитрый дипломат, в руках которого история – послушный материал, из которого можно сделать что угодно – такой летописец у М.Д. Приселкова...”, он умышленно придумывает факты, искажает содержание [Еремин 1946, с. 37]. Согласно наблюдениям И.П. Еремина, летописец, напротив, руководствуется христианской философией истории, которая представляет собой арену борьбы добра и зла, эксплицированную в событиях человеческой истории [Еремин 1946, с. 43 – 45].

Изменения, привнесенные М.Д. Приселковым в методiku реконструкции летописных сводов А.А. Шахматова, проявляются в иной логике построения научной работы. Если для трудов А.А. Шахматова характерно движение от первичного определения “основных сводов” (реконструируемых на материале дошедших летописей) к их сличению с другими “основными сводами”, на основе которого делался вывод об их протографах, составе и источниках, то М.Д. Приселковым в “Истории русского летописания XI-XV вв.” был использован противоположный способ расположения материала: от более древних сводов к более поздним [Приселков 1996].

Безусловно, анализ прагматического устройства имеет решающее значение для определения судьбы памятника письменности, особенно если перед нами летописи – произведения официальной литературы. Однако второстепенное внимание к текстовой организации реконструируемых произведений неизбежно приводит к множественной интерпретации того или иного летописного фрагмента. Более того, не всегда возможно найти “зацепку” (пять – шесть примет [Лихачев 2001]) на прагматическом уровне, тем более при исследовании древнейшей эпохи русского летописания, где ПВЛ в подавляющем большинстве чтений не имеет соответствий в иных памятниках письменности.

Малочисленность примет прагматического характера побуждала текстологов к привлечению данных культурологического и литературоведческого порядка, что предполагало обращение к внутренней форме повествования. Однако текстологи исходили из приоритета прагматического (мотивационного) анализа, что зачастую обесценивало весьма тонкие наблюдения над внутренним устройством летописей. Так, А.Н. Насоновым была предпринята реконструкция истории создания ПВЛ на фоне общественно-исторического процесса становления древнерусского государства [Насонов 1962], но сам процесс становления Русской земли был ранее реконструирован исследователем в основном на летописном материале в историко-географической работе 1951 года “Русская земля” и образование территории древнерусского государства” [Насонов 2002]. То же можно сказать и о работах другого выдающегося исследователя русского летописания М.Н. Тихомирова. На основе анализа текстологических построений А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова, а также наблюдений над содержанием летописных сообщений списков ПВЛ исследователь предположил, что древний летописец использовал источники времен Ярополка и Владимира (X в.) [Тихомиров 1979-а, с. 27]. В ходе прагматического анализа повествования древнейшим слоем летописи М.Н. Тихомировым было названо внелетописное сказание о первых русских князьях, объединяющее летописные сообщения начальной части ПВЛ тенденциозным изложением событий войны полян с древлянами [Тихомиров 1979-б, с. 58].

Внимание к “филологической” стороне реконструкции выгодно отличает труды А.А. Шахматова от работ М.Д. Приселкова и М.Н. Тихомирова. Обращение текстологов к использованию приемов историко-литературного исследования (впрочем, при доминировании прагматического анализа) связано с именами Я.С. Лурье [Лурье 1970], О.В. Творогова [Творогов 1970] и Д.С. Лихачева [Лихачев 1979]. На данном пути этапным стал сборник трудов “Истоки и судьбы русской беллетристики” [Лурье 1970, с. 30].

Требования многоуровневости исследования текста при текстологической интерпретации произведения письменности были постулированы Д.С. Лихачевым: “Текстология как самостоятельная наука, а не сумма приемов к изданию текста, близка литературоведению, не может обходиться без его выводов, требует всестороннего подхода к тексту. Все эти принципы, к которым постепенно практически приходят советские текстологи, по-новому обосновывают и развивают шахматовский принцип целостного изучения рукописной традиции” [Лихачев 2001, с. 57]. Приемы историко-литературного анализа были использованы Д.С. Лихачевым в созданной им гипотезе возникновения начального русского летописания и составления ПВЛ [Лихачев 1979]: автором производятся ценные наблюдения над содержанием, сюжетной организацией летописных статей и их источников, литературным этикетом средневекового летописца. Однако идейной основой реконструкции все же выступает общественно-политическая ситуация в Древней Руси XI – XII вв. Выдвинутая исследователем гипотеза представляет собой уточнения гипотезы А.А. Шахматова, так, например, Д.С. Лихачевым отвергается возможность существования “Древнейшего Киевского свода” 1039 г. (приложение 2.2.).

Д.С. Лихачев связал историю возникновения летописания с политической борьбой, которую пришлось вести Киевскому государству в 30-50-е годы XI столетия против территориальных и религиозных притязаний Византийской империи. Византия стремилась превратить русскую церковь в свою политическую агентуру, что угрожало самостоятельности древнерусского государства. Притязания империи встречали активный отпор великокняжеской власти, боровшейся за политическую и религиозную самостоятельность Руси. Особого напряжения борьба Руси с Византией достигла в середине XI в. Великому киевскому князю Ярославу Мудрому удалось поднять политический авторитет древнерусского государства. Так, в 1039 г. Ярослав добился учреждения в Киеве митрополии. Тем самым Византия признала известную самостоятельность русской церкви, хотя во

главе ее оставался митрополит-грек. Кроме того, Ярослав добивался канонизации Ольги, Владимира и своих братьев Бориса и Глеба, убитых Святополком в 1015 г.

В 1050 г. политическая борьба Руси с Византией перешла в вооруженное столкновение: Ярослав послал войска на Константинополь во главе со своим сыном Владимиром. Хотя поход Владимира Ярославича закончился поражением, Ярослав в 1051 г. возвел на митрополичий престол русского священника Иллариона. В этот период борьба за самостоятельность охватывает все области культуры Киевской Руси, в том числе и литературу.

Д.С. Лихачев указывает, что летопись складывалась постепенно, в результате возникшего интереса к историческому прошлому родной земли и стремления сохранить для будущих потомков значительные события своего времени.

Исследователь предполагает, что в 30-40-е годы XI в. по распоряжению Ярослава Мудрого была произведена запись устных народных исторических преданий, которые Д.С. Лихачев называет “Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси”. В состав “Сказаний...” входили предания о крещении Ольги в Царьграде, о смерти двух мучеников-варягов, об испытании вер Владимиром и его крещении. Эти предания носили антивизантийский характер.

Д.С. Лихачев предполагает, что “Сказания...” были записаны книжниками киевской митрополии при Софийском соборе. Константинополь не был согласен с назначением на митрополичью кафедру русского Иллариона, и в 1055 г. его место занял грек Ефрем. “Сказания...”, носившие антивизантийский характер, не получили здесь дальнейшего развития.

Центром русского просвещения, оппозиционно настроенным против митрополита-грека, с середины XI в. становится Киевско-Печерский монастырь. Здесь в 70-х годах XI в. происходит оформление русской летописи. Составителем этой летописи был Никон. Он использовал “Сказания...”, дополнил их устными историческими преданиями,

рассказами очевидцев (воеводы Вышаты) и сведениями о событиях современности.

Под влиянием пасхальных хронологических таблиц, составлявшихся в монастыре, Никон придал своему повествованию форму погодных записей. В созданный около 1073 г. свод он включил большое количество сказаний о первых русских князьях, их походах на Царьград. Им же была использована и легенда о походе Владимира в 988 г. на Корсунь.

Свод 1073 г. получил резко выраженную антивизантийскую направленность. Никон придал летописи политическую и историческую широту, патриотический пафос, что сделало это произведение выдающимся памятником древнерусской литературы. Свод осуждал княжеские усобицы, подчеркивал роль народа в защите Русской земли от внешних врагов.

После смерти Никона работа над летописью продолжалась в Киево-Печерском монастыре. Здесь велись погодные записи о текущих событиях, которые затем были обработаны и объединены неизвестным автором в Свод 1093 г. (Начальный свод). Этот свод продолжал пропаганду идей единства Русской земли, начатую Никоном. В этом своде резко осуждаются княжеские преступления, а князья призываются к борьбе со степными кочевниками.

Начальный свод имел особое название: «Временник, еже нарицается летописець русских князь и како избра бог страну нашу на последнее время, и гради почаша быти по местом...» [Н1Л, с. 103]. Текст предисловия Начального свода дошел до нас в новгородских летописях (Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он страдал от поборов, конфискаций, вир, которыми князья облагали население. Поэтому новгородцы сохранили в предисловии упреки князьям в «несытстве», но устранили все, что относилось к слабости князей: критику их междоусобий и плохой обороны Русской земли).

Составитель свода ставит четкие публицистические задачи: примером прежних князей исправить нынешних. Автор Начального свода привлекает рассказы Яна Вышатича, использует греческую историческую хронику

Георгия Амартола, что позволяет ему включить историю Руси во Всемирную.

В 1098 г. великий киевский князь Святополк Изяславич примиряется с Киево-Печерским монастырем: “Святополк начинает поддерживать печерское летописание, и княжеская поддержка поднимает авторитет печерских летописцев. Политическое значение летописи хорошо осознавалось Святополком, и он сделал все, чтобы летопись не походила более на антикняжеский свод 1093 г., а служила бы в первую очередь его целям” [Лихачев 1979]. Поэтому, в интересах Святополка на основе Начального свода монахом Нестором в 1113 г. создается первая редакция ПВЛ. Сохранив идейную направленность предшествующего свода, Нестор выдвигает идею княжеского братолюбия (по примеру Бориса и Глеба) и стремится всем ходом исторического повествования убедить русских князей покончить с усобицей. Под пером Нестора летопись приобретает официальный характер.

Святополк, поставленный Нестором в центр повествования о событиях 1093-1111 гг., не имел большой популярности в обществе того времени. После его смерти великим киевским князем стал в 1113 г. Владимир Мономах. Понимая политическое и юридическое значение летописи, он передал ее в ведение Выдубицкого монастыря, игумен которого Сильвестр по поручению великого князя в 1116 г. составил вторую редакцию “Повести временных лет”, где на первый план была выдвинута фигура Мономаха: подчеркиваются его заслуги в борьбе с половцами и в установлении княжеского братолюбия. В 1118 г. в том же Выдубицком монастыре неизвестным автором была создана третья редакция “Повести временных лет”. В эту редакцию было включено “Поучение Владимира Мономаха”, а изложение доведено до 1117 г.

Как было указано нами выше, опора на общественно-политический контекст не является надежным критерием текстологического анализа, прежде всего потому, что он сам нуждается в реконструкции (на основе

произведений письменности) и зависит от исторических представлений интерпретатора. Указанная особенность отечественной текстологической школы позволила Б.А. Рыбакову предложить иную концепцию происхождения летописания [Рыбаков 1963], основанную на политическом противоборстве Киева и Новгорода.

Анализируя текст Начальной русской летописи, Б.А. Рыбаков предположил, что краткие погодные записи стали вестись в Киеве с появлением первого христианского духовенства при княжении Аскольда (с 867 г.). В конце X столетия, в 996-997 гг., был создан “Первый Киевский летописный свод”, который обобщил разнородный материал кратких погодных записей и устных сказаний. Этот свод был создан при Десятинной церкви, в его составлении приняли участие Анастас Корсунянин - настоятель собора, епископ Белгородский и дядя Владимира, Добрыня. Свод давал первое историческое обобщение жизни Киевской Руси и завершался прославлением Владимира. Летопись донесла до нас придворные оценки, так как была связана с книжной культурой, дружинным эпосом и архаичными народными сказаниями.

Разделяя точку зрения А.А. Шахматова о существовании Новгородского свода 1050 г., Б.А. Рыбаков считает, что эта летопись была создана при участии новгородского посадника Остромира. “Остромирова летопись” датируется 1054-1060 гг. и характеризуется направленностью против Ярослава Мудрого и наемников-варягов. В ней акцентируется героическая история Новгорода и прославляется деятельность “новгородских” князей Владимира Святославича и Владимира Ярославича. Эта летопись носила светский характер и выражала интересы новгородского боярства.

Б.А. Рыбаков выдвигает гипотезу об активном личном участии Владимира Мономаха в создании второй, Сильвестровой, редакции. Третью редакцию ПВЛ исследователь связывает с деятельностью его сына Мстислава Владимировича, который пытался противопоставить Киеву Новгород.

Таким образом, в отечественной текстологической традиции “вопрос о начальном этапе русского летописания, о составе, источниках “Повести временных лет” является весьма сложным и далеко не решенным. Несомненно, однако, то, что “Повесть временных лет” - результат большой сводческой редакторской работы, обобщивший труд нескольких поколений летописцев” [Кусков 1998].

Для отечественной текстологической школы, восходящей к трудам А.А. Шахматова, характерна различная степень убедительности отдельных элементов предлагаемой исследователями схемы истории летописания. Часть построений является общепринятой в текстологической науке, а часть звеньев, реконструируемых разными авторами, – полемичной (данная особенность и предопределила наличие ряда конкурентных реконструкций истории летописания). Ядром современных представлений об истории летописания в отечественной текстологии остается концепция русского летописания, сложившаяся у А.А. Шахматова и откорректированная М.Д. Приселковым. Схему, обобщающую наблюдения А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова и их вклад в формирование общих представлений об истории летописания, предложил Я.С. Лурье в работе “Схема истории летописания”: “Для того, чтобы читателю было ясно, какие именно соотношения и определения сводов, данные в этой схеме, вызвали обоснованные возражения и были отвергнуты А.Н. Насоновым и другими учеными за последние десятилетия, мы отмечаем такие спорные соотношения...пунктиром, а спорные определения даем в прямых скобках” [Лурье 1990, с.189] (приложение 2.3.).

Обобщением наработок отечественной текстологической школы вообще стала созданная Я. С. Лурье “Генеалогическая схема летописей XI – XVI вв.” [Лурье 1985-а] (приложение 2.4.). Представления, оказавшиеся спорными¹ в

¹ Больше всего возражений вызывают начальные звенья истории летописания. Именно здесь у дошедшего до нас текста ПВЛ (как и у I Новгородской летописи) нет соответствия с другими параллельными текстами. В работах текстологов вызывала сомнение гипотеза о Древнейшем своде 1037 года (Д.С. Лихачев), оспаривались гипотезы о своде Никона 1073г. и о своде Ивана 1093г. (Начального свода) (В.М. Истрин, А.Г.

отечественной текстологической традиции, были опущены в данной стемме: “Генеалогическая схема указывает на основные взаимоотношения названных летописей (предполагаемые связи отмечены пунктиром), на существование у них общих протографов. Но гипотетических определений, датировок и названий этих сводов-протографов мы в стемме не даем, ибо определения эти ...часто условны и в ряде случаев могут быть пересмотрены. Убедительно установленными являются лишь сами связи между разбираемыми летописями: исследователь, который захочет объяснить эти связи иначе ...не может просто игнорировать их, а обязан предложить альтернативную схему, которая способна объяснить взаимоотношения между ними не менее убедительно” (рис. 4) [Лурье 1985-а, с. 195]. Очевидно, бесперспективность сугубо прагматического анализа на основе представлений о общественно-историческом окружении летописей выразилась в отказе от анализа содержания вообще.¹ Реконструкцию истории русского летописания, предложенную Я.С. Лурье, А.А. Гиппиус назвал осторожно скептической: “Последняя точка зрения исходит из признания единственным инструментом текстологического анализа внешнего сравнения летописных текстов”; отказ от исследования внутренней структуры текста (“содержательных противоречий, нарушений последовательности изложения, грамматической и смысловой связности текста”) значительно уменьшает инструментарий текстолога [Гиппиус 2001, с. 162 – 163].

Общепринятая в отечественной текстологической традиции схема становления ПВЛ и основных этапов летописания представляется спорной в

Кузьмин). Спорными представляются некоторые построения, относящиеся уже к истории самой ПВЛ, так как первоначальный текст ее до нас не дошел. Определение дошедших версий в ЛЛ, РЛ (и сходных с ними) как второй редакции (1116г.), а версии ИЛ как третьей редакции (1118г.) так же вызывает сомнения: высказывалось мнение, что лучше первоначальный текст сохранился именно в ИЛ, а в ЛЛ и исходных с нею летописях представлен сокращенный вариант (О.В. Творогов). Спорны конкретные определения и датировки Владимировских сводов конца XII – начала XIII в.в. Так, Я.С. Лурье считает, что предположение Полихрона 1418 – 1422г.г. и Свода 1448г. едва ли необходимы, а предположение о “Летописце великом русском”, отразившемся и на великокняжеском летописании начала XVв., и на великокняжеских сводах 70-х годов XVв., не подкрепляется материалом [Лурье, 1985-а, с. 191-192] и т. п.

¹ Принципы такого “непредвзятого” отношения к источнику, когда его комплексный анализ подменяется вычленением “фактического материала” были изложены Я.С. Лурье в статье “О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников)” [Лурье 1985-б].

западной славистике. Так, А. Тимберлейком высказываются сомнения в авторстве Нестора и его роли в становлении ПВЛ: “It is not at all certain that Nestor was the chronicler before 1113, or that the *nachal'nyj svod* marks a change in scribes. Rather, a single anonymous scribe was active continuously from the death of Igumen Nikon (1088) through the transfer of Igumen Theoktist (1112). It was this scribe who, among other things, gave shape to the Boris and Gleb myth and introduced the theme of divine retribution for man's multitudinous sins (1068, 1092, 1093, 1096). The first redaction of the *Povest' vremennyx let* in 1113 may have been written by Nestor, but it owes at least as much to the scribe of the *nachal'nyj svod*” [Timberlake]. Д. Островским составление ПВЛ приписывается Сильвестру: “The *PVL* may have been compiled initially by Sil'vestr, the hegumen of St. Michael's Monastery in Vydobichi (Vydubychi), a village near Kiev (Kyiv), in 1116 [Ostrowski -б].

Ряд наблюдений западных славистов заслуживает пристального внимания. Так, абсолютизированный в отечественной текстологии принцип комплексности, предполагающий привлечение всего доступного материала, отнюдь не является таковым: привлечение новой рукописи может легко перевернуть устоявшееся соотношение летописных сводов. Западных исследователей отличает большая последовательность в следовании текстологической методике (которая, впрочем, достигается ограничением привлекаемого материала), их реконструкции базируются на выстроенном генеалогическом дереве рукописей (А.А. Шахматовым, несмотря на наличие скрупулезно созданной схемы летописания, реконструкция первоначальных чтений осуществлялась преимущественно по смыслу и контексту).

В настоящие дни не прекращается полемика между сторонниками классической критики текста и сравнительно-текстологического метода. Так, представления отечественной текстологической традиции о принципах текстологической интерпретации и издательской деятельности американской критики текста изложил В.Б. Крысько на примере издания текста Пуятиной

minei в ежегоднике *Palaeoslavica* под редакцией А.Б. Страхова [Крысько 1999, с. 223].

Д. Островский с позиций критики текста, обозначенной Д.С. Лихачевым как “механистический анализ западной филологии”, оспаривает сами основы текстологической реконструкции ПВЛ и содержательность отечественной текстологии как науки: “In Russia, the principles of textology developed almost exactly the reverse of those of textual criticism. Thus, longer, fuller readings tended to be accepted over shorter, elliptical readings. Smoother readings tended to be accepted over rougher readings. The editor tended to “correct” the text either with or without variant support from other copies in an attempt to create an exemplar that was without error. ...And the stemma was seen not as a tool for editing the text, but merely as a possible way to represent the relationship of the copies” [Ostrowski 2003, с. XLVIII].

Стемма Д. Островского базируется на стемме С.А. Бугославского (приложение 2.5.) и является ее развитием: исследователем в генеалогическую схему привнесены элементы контаминации, связывающие между собой списки, принадлежащие различным ветвям традиции (Хлебниковская летопись (ХЛ) контаминируется с ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ (Лаврентьевская + Троицкая + Радзивиловская + Академическая), а Лаврентьевская (ЛЛ) с протографом Новгородской 1 летописи (Н1Л). С.А. Бугославский возможность критической реконструкции текста обосновал устойчивостью в передаче текста ПВЛ основными списками, из чего заключил, что степень контаминации списков ПВЛ была сильно преувеличена А.А. Шахматовым, а редакторская работа средневекового летописца – модернизирована.

Схему Д. Островского отличает от стеммы С.А. Бугославского отказ от привлечения к анализу Софийско-Новгородской группы летописей (С1Л, Н4Л, НК) как летописей, не обладающих значением для реконструкции (приложение 2.6.). Исследователь ограничивается привлечением Лаврентьевской (ЛЛ), Ипатьевской (ИЛ), Радзивиловской (РЛ),

Академической (АЛ), Хлебниковской (ХЛ), Погодинской (ПЛ) (для заполнения лакун Хлебниковского списка ПВЛ) летописей; списков Новгородской Первой летописи младшего извода (Н1Л): Комиссионного, Академического и Толстовского, а также реконструированной М.Д. Приселковым Троицкой летописи (ТЛ).

Вслед за С.А. Бугославским Д. Островский отказывается видеть в Н1Л отражение более раннего, чем ПВЛ, свода и считает, что в Н1Л отражен “новгородский извод”, который передает текст ипатьевской ветви ПВЛ в сокращенном виде, однако запечатлевает ипатьевскую редакцию в виде более раннем, чем дошедший в ИЛ и ХЛ. Н1Л занимает важное место в гипотезе А.А. Шахматова, так как служит (как звено, предшествующее ПВЛ) критерием выбора между ЛЛ-РЛ-АЛ и ИЛ-ХЛ. Отнесение Н1Л к ипатьевской вариации ПВЛ приводит к выводу о вторичности чтений ЛЛ-Н1Л.

Предложенная Д. Островским схема истории текста ПВЛ была критически рассмотрена А.А. Гиппиусом и встретила серьезные возражения исследователя. На основе ряда примеров А.А. Гиппиус показал бо́льшую доказательную силу гипотезы А.А. Шахматова. Исследователем были отвергнуты предложенные С.А. Бугославским и принятые Д. Островским доказательства старшинства ЛЛ-РЛ-АЛ в чтениях, где Н1Л совпадает с ИЛ-ХЛ и аргументация вторичности общих чтений ЛЛ и Н1Л (контаминация) при тождестве чтений РЛ-АЛ=ИЛ, которая объясняется А.А. Гиппиусом влиянием протографа типа ИЛ-ХЛ на протограф РЛ-АЛ [Гиппиус 2002, с. 79]. Исследователем показано значение летописей Новгородско-Софийской группы (С1Л, Н4Л, НКЛ) для реконструкции первоначального текста ПВЛ: НКЛ-С1Л-Н4Л помогают распознать отклонения протографа РЛ-АЛ от ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ, а “в отдельных случаях, там, где исходный текст был независимо и по-разному искажен в ЛЛ и РЛ-АЛ/ИЛ-ХЛ именно НКЛ-С1Л-Н4Л оказывается единственным носителем первоначального чтения” [Гиппиус, с. 84].

Неоспоримым достоинством предложенного Д. Островским издания ПВЛ является совмещение полных параллельных текстов различных редакций, а также привлечение наряду с собственной альтернативных реконструкций А.Ф. Бычкова, А.А. Шахматова и Д.С. Лихачева, среди которых последовательно стемматическая реконструкция, предложенная исследователем, занимает обозначившуюся лакуну восстановления ПВЛ на основе принципов критики текста. Использование компьютерного набора в сочетании с формально-логическими приемами критики текста позволили алгоритмизировать тексты привлекаемых списков и предопределили начало текстологического анализа ПВЛ при помощи компьютерной техники именно на стемме Д. Островского [Birnbauм 1999].

Другой современной стеммой, альтернативной гипотезе А.А. Шахматова, является генеалогическая схема Л. Мюллера [Гиппиус 2002]. На основе ограниченного количества привлекаемых рукописей (шесть полных основных списков ПВЛ: ЛЛ, РЛ, АЛ, ТЛ, ИЛ, ХЛ) исследователь задался целью отразить на немецком языке оригинал ПВЛ в редакции Сильвестра 1116 г. В отличие от А.А. Шахматова, отдававшего предпочтение спискам второй редакции (ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ) (несмотря на обнаруженные им следы многочисленных влияний на вторую редакцию со стороны третьей редакции (ИЛ-ХЛ)), Л. Мюллером ЛЛ-ТЛ-РЛ-АЛ и ИЛ-ХЛ рассматриваются как две независимые друг от друга ветви летописной традиции, которые обладают одинаковым значением для восстановления архетипа, восходящего к ПВЛ и созданного, по мысли исследователя, после 1125 г. Данный архетип конструируется на ошибках и заведомо вторичных чтениях, общих для всех основных списков.

Недостатком реконструкции Л. Мюллера представляется исключение из стеммы новгородского летописания (Н1Л и Новгородско-Софийской группы летописей: Н1Л, С1Л, Н4Л, НКЛ), которое позволяет реконструировать чтения более ранние, чем содержащиеся во всех шести основных списках ПВЛ. Ограничение привлекаемого количества летописей приводит к

заведомому упрощению генеалогической схемы и придает реконструкции известную условность. Несомненным новаторством и неоспоримым достоинством реконструкции Л. Мюллера является представление восстанавливаемого текста не на древнерусском, а в переводе на немецкий язык, что предполагает не пословную реконструкцию древнего (утраченного) текста, но смысловую: “... на уровне смысла, в абстрагировании от с трудом поддающихся восстановлению особенностей языка оригинала, задача реконструкции содержит в себе значительно меньше элементов условности и принципиально более разрешима” [Гиппиус 2002, с 64].

В настоящее время в отечественной текстологической науке, с одной стороны, продолжается заполнение отдельных лакун в истории русского летописания, обнаруживаемых в общепринятой генеалогической схеме русских летописей, с другой – ведется активный поиск новых методик текстологической интерпретации. Примером исследования, выполненного в русле текстологической методики, предложенной А.А. Шахматовым и детально разработанной Д.С. Лихачевым, является работа Т.Л. Вилкула, посвященная выяснению деталей соотношения текстов ИЛ и ЛЛ в 40—50 годы XII в. [Вилкул 2003]. “Идеологический” (на основе общественно-политического контекста эпохи) анализ летописной статьи ПВЛ за 1043 г. (Поход на Византию Ярослава Мудрого) по С1Л и Н4Л представлен в статье В.Г. Брюсовой “Русско-Византийские отношения середины XI века” [Брюсова].

В последние десятилетия в текстологических работах в целом наметился интерес к содержательной структуре исследуемых источников. Так, Б. Зотовым, исследующим “Слово о полку Игореве”, отмечается, что окончательная атрибуция древних произведений письменности (например, определение авторства) возможна лишь при ответе на вопросы: “...содержатся ли в них проявления поэтического видения мира, склонность к историческим примерам и аналогиям, к использованию прямой речи, намеков, иносказательных привлечений сил природы, всего того, что

называется подтекстом...” [Зотов]. Примером обращения к исследованию содержательной структуры для текстологической атрибуции ПВЛ является статья Ю.А. Артамонова “Статья 6618 г. Повести временных лет об “огненных столпах” и ее литературные источники” [Артамонов 1996]. Автором сопоставляется описание чудесного знамения в виде огненного столпа в ПВЛ и в рассказе Киево-Печерского патерика, составитель которого (Поликарп) указывает, что информация была почерпнута им из летописи (очевидно, первой редакцией ПВЛ). На основе сравнения летописного сообщения с Житием Феодосия Печерского и иными летописными статьями исследователем определяется функциональная нагрузка образа огненного столпа как предвестника строительства храма. В качестве литературного источника данного рассказа Ю.А. Артамоновым определяется библейский сюжет об исходе евреев из Египта, а разночтения между версиями ПВЛ и Киево-Печерского патерика, использовавшего текст первой редакции ПВЛ, (сокращение числа столпов с трех до одного) объясняются желанием редакторов ПВЛ приблизить летописный текст к библейскому образцу. По мысли исследователя, в ходе редактирования связь знамения с постройкой трапезной и канонизацией Феодосия была разрушена, а сам рассказ из статьи 1108 г. был перемещен под 1110 г. На основе изложенных соображений автор делает вывод о сбое хронологической сети в ЛЛ и ИЛ на два года, что позволяет ему поставить вопрос о датировке первой редакции ПВЛ не 1112-1113 гг., а 1108-1113 гг.

В настоящее время остается актуальным вопрос о возможности применения в текстологической интерпретации ПВЛ герменевтического метода, предложенного А.М. Камчатновым [Камчатнов 1998]. Считаем, что “ноэмо-эйдетический” пословный анализ А.М. Камчатного значительно усложняет установление соотношения списков ПВЛ, так как, во-первых, до нас не дошел оригинал первой редакции, а “реконструкция авторского варианта представляет собой самостоятельную герменевтическую задачу” [Камчатнов 1998, с. 65 - 138], во-вторых, использование в качестве единицы

реконструкции слова (эйдоса, вариативно выраженного в слове) вполне оправдано для текстов стандартного регистра, ориентированных на библейские образцы и копирующих использованные оригиналы, тем самым образуя устойчивую традицию с относительно незначительным количеством разночтений, летописные своды, принадлежащие к гибриднему регистру, подобной стабильностью в передаче ПВЛ не обладают, что проявляется в наличии множества разночтений, затрагивающих все уровни языка, идеологической редактуре и стилистической правке на протяжении всей истории летописания Древней Руси.

Остается открытым вопрос о том, как широко может быть применен метод текстологической стратификации ПВЛ с помощью статистического моделирования на компьютере. Несмотря на большое количество методик атрибуции текста с помощью статистических индексов, ПВЛ такому исследованию подвергалась лишь Л.И. Бородкиным при решении вопроса об авторстве Нестора (на основе частот парной встречаемости грамматических классов слов) [Бородкин 1994].

Перспективным представляется использование лингво-текстологической методики. Лингвотекстологическое направление возникло как способ расширения текстологического анализа при изучении памятников традиционного содержания привлечением языкового материала. Ставящая целью совмещение целостности лингвистического подхода с полнотой текстологической атрибуции произведений письменности, лингвистическая текстология значительно расширяет исследовательские горизонты: изучение языка произведения обогащает текстологические построения, а привлечение для атрибуции не пяти - шести содержательных примет [Лихачев 2001, с.220], но сотен и даже тысяч объективирует собственно языковой анализ [Жуковская 1976, с. 20]. Однако лингвотекстологическая методика необычайно трудоёмка: пословное сопоставление многих списков памятника предполагает интерпретацию огромного количества выявленных разночтений. Вот почему если текстологической школе [Лихачев 2001, с.

370] присуще нисхождение от анализа сознательных трансформаций текста к исследованию бессознательных, то для лингвистической текстологии, напротив, характерна установка на объяснение изменений текста развитием языка, адаптацией памятника, психолингвистическими причинами [Верещагин 1972, с. 81].

И для лингвотекстологии, и для текстологии важен критерий различения закономерного и случайного в историческом варьировании текста памятника письменности: языкового и личностного (для лингвистической текстологии), целенаправленной редакторской правки и описок писцов (для текстологии). Но если для текстологической традиции этот принцип предполагает обращение к “аморфному” историческому фону, то основоположником лингвотекстологии Л.П. Жуковской предложен приём сравнения материала выявленных разночтений с константными чтениями памятника, сохранившими реалии протографов [Жуковская 1976, с. 125]. Несмотря на то, что необходимость совмещения исследования расходящихся и константных чтений списков была обоснована ещё в середине прошлого века, обращение к подобным, “синтетическим” исследованиям произошло лишь в последнее время [Гиппиус 2001; Живов 1996; Орлова 2001]. Причиной тому долгое время оставалось отсутствие методики, ставящей варьирование текста памятника в зависимость от плана содержания, внутреннего устройства произведения.

Л.М. Устюговой при исследовании ПВЛ лингвотекстологическая методика продуктивно используется для решения традиционного для исторической лингвистики вопроса о характере литературного языка, запечатленного в летописи (так, по наблюдениям исследователя, в ПВЛ при совмещении христианского и народно-исторического по происхождению материала не наблюдается традиционно предполагаемого противопоставления церковнославянских и древнерусских языковых черт, но их тесное взаимодействие [Устюгова 1987]. Л.М. Устюговой разработан учебно-методический курс, в котором предлагается использование линго-

текстологической методики при преподавании исторической грамматики [Устюгова, Шимко 2003].

Широкие возможности лингвотекстологии при решении вопросов текстологической стратификации ПВЛ (до сих пор не решенных однозначно текстологической школой) показаны А.А. Гиппиусом. Исследователем в качестве инструмента текстологической стратификации летописи по ЛЛ, Н1Л и НКЛ был использован языковой материал: соотношение старых и новых форм аориста глагола **рещи**, употребление оборота **отвѣщавъ рече**, конструкции с причастиями **рекъ(-ше, -ши)**, **рька**. Важнейшим выводом А.А. Гиппиуса стало подтверждение на языковом материале гипотезы А.А. Шахматова об отражении в младшем изводе Н1Л свода более древнего, чем ПВЛ, и лежащего в ее основе. “Отсутствующие в НПЛ и читаемые лишь в ПВЛ пассажи являются маркированными и в языковом отношении, что окончательно убеждает в справедливости трактовки их Шахматовым как вставок в Начальный свод, сделанных составителем ПВЛ. Альтернативная точка зрения, предполагающая сокращение в НПЛ текста ПВЛ, не в состоянии объяснить данное обстоятельство” [Гиппиус 2001 с. 171]. Более того, исследователю удалось в пределах общего для НПЛ и ПВЛ текста лингвистически разграничить зоны, которые могут быть охарактеризованы как первоначальное “ядро” и его последующие распространения. К распространениям “ядра” автор отнес: продолжение летописи (со смерти Владимира) и позднейшие напластования в зоне “ядра”, которые включают как целые тексты, вторичные по происхождению (рассказ о крещении Ольги, Речь Философа вместе с обрамляющим ее диалогом, описание деятельности Владимира после крещения), так и отдельные вставки, выявляемые, например, в рассказе о хазарской дани, в Речи Философа, в эпизоде “выбора веры”. К первоначальному ядру, контуры которого определяются исключением из текста, сохранившегося в Н1Л, этих маркированных в языковом отношении фрагментов, а также чтений, заимствованных из греческого летописания, А.А. Гиппиус отнес

повествование о первых русских князьях – от основания Киева тремя братьями до смерти Святослава, рассказ об усобице сыновей Святослава, вокняжении Владимира в Киеве и его деятельности до крещения, а также реконструируемую “исходную” версию рассказа о крещении Руси, от которой в ПВЛ сохранился лишь эпизод “выбора веры”. Лингвистически текст “ядра” характеризуется отсутствием привлекаемых языковых примет. “Полное отсутствие новых форм аориста делает данный текст чрезвычайно архаичным по языку, однообразное оформление контекстов с прямой речью отражает общую неразработанность в нем структуры нарратива” [Гиппиус 2001, с. 172]. Тот факт, что данное повествование прослеживается до крещения Руси, позволяет исследователю предположить возможность его появления еще во время княжения Владимира.

С целью создать современный текстологический комментарий к генеалогической схеме, предложенной А.А. Шахматовым, О.В. Твороговым было исследовано соотношение ПВЛ и Н1Л в начальной части летописей (до статьи 1015), так как на материале этого фрагмента и была построена шахматовская гипотеза о Начальном своде [Творогов 1976]. Исследователь пришел к выводу, что гипотеза А.А. Шахматова представляется убедительно доказанной, а возражения оппонентов (В.М. Истрин, С.А. Бугославский, А.Г. Кузьмин) не вескими, построенными без учета всех аргументов А.А. Шахматова: сюжетное однообразие фрагментов, отсутствующих в Н1Л, свидетельствует, что это вставки создателя ПВЛ; в Начальном своде нет извлечений из Хроники Георгия Амартола, но сохранились чтения, возводимые к Хронографу по Великому изложению, тогда как в ПВЛ использована только хроника Амартола; повествование Н1Л более архаично по структуре и не знает абсолютной хронологической сети; сравнение Н1Л и Свода 1448 г. (С1Л-Н4Л-НКЛ) показывает, что в ряде случаев Н1Л передает текст, совпадающий в ПВЛ и Н1Л хуже, чем С1Л-Н4Л-НКЛ, что служит косвенным свидетельством существования Начального свода, так как нет оснований допустить самостоятельное обращение Свода 1448 г. к

Хронографу по Великому изложению и Хронике Георгия Амартола [Творогов 1976, с. 25].

С опорой на выводы О.В. Творогова и А.А. Гиппиуса мы принимаем гипотезу происхождения ПВЛ, предложенную А.А. Шахматовым, как обладающую наибольшей доказательной силой (с учетом уточнений, внесенных исследователями).

Учитывая ключевые моменты шахматовской стеммы, объектом исследования нами избраны восемь летописей: Лаврентьевская летопись (список 1377г.) (ЛЛ) Радзивиловская (XVв.) (РЛ) и Московская-Академическая (XVв.) (АЛ) летописи как сохранившие вторую редакцию ПВЛ; Ипатьевская летопись (XVв.) (ИЛ), передающая третью редакцию ПВЛ; Комиссионный (сер. XVв.) и Академический (40-е гг. XVв.) списки Новгородской 1 летописи младшего извода (Н1Л), которые позволяют восстановить чтения Начального свода; списки Карамзина и Оболенского Софийской 1 летописи старшей редакции (к. XVв.) (С1Л), возводимые к реконструируемому Своду 1448 г., “представляющему соединение общерусского свода (*передающего чтения ПВЛ в более ранней редакции, чем основные списки ПВЛ – Д. А.*) с Новгородской летописью (*сохранившей чтения Начального свода*) [Шахматов 2001-б, с. 865].

Выбор летописей соответствует принципам лингвистической текстологии. Текстологическим критерием отбора послужило генеалогическое родство списков, а языковым – принадлежность источников к одной исторической эпохе.

Так как наше исследование обращено к ПВЛ (летописи начала XII в., дошедшей в составе поздних летописных сводов), а не русскому летописанию XIV – XV вв., атрибуцию летописей ограничиваем указанием на основные взаимоотношения названных летописей, изложенные в “Словаре книжников и книжности” [Лурье 1985].

Лаврентьевская летопись. ЛЛ сохранилась в единственном списке, сделанном под руководством монаха Лаврентия в 1377 году группой писцов

для Суздальского Нижегородского князя Дмитрия Константиновича [Творогов 1985, с.156]. Текст летописи доведен до 6813 (1304) г. в ультрамартовской датировке. В четырех местах ЛЛ обнаруживаются пропуски: за 6406 (898) – 6430 (922)г.г., 6711 (1203) – 6713 (1205) г.г., 6771 (1263) – 6791 (1283) г.г., 6795 (1287) – 6802 (1294) г.г. Первые два пропуска являются следствием дефекта в тексте рукописи. Начальные 40 листов написаны уставным почерком, дальнейшие – полууставом.

Сравнение ЛЛ и Троицкой летописи (ТЛ) обнаруживает близость текстов, но имеются и редакционные отличия. А.А. Шахматов сделал вывод, что в основе ЛЛ и ТЛ, с одной стороны, и РЛ, с другой стороны, лежал Владимирский летописный свод конца XII – начала XIII веков, но в разных редакциях. Сопоставление ЛЛ с ИЛ обнаруживает совпадения, но более редкие. А.А. Шахматов объяснял их взаимным влиянием севернорусского и южнорусского летописания XII-XIII в.в., а также Полихроном начала XIV века – источником ЛЛ и ИЛ, не отраженным в РЛ.

М.Д. Приселков отверг объяснение сходства ЛЛ и ИЛ как отражения текста Полихрона. Он пришел к выводу, что в ЛЛ и ТЛ отразился Владимирский великокняжеский свод 1305г. Выводы А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова подвергались критике, но в основном были приняты в научной литературе последующего времени [Лурье 1985-в, с.128-131].

Радзивилловская и Академическая летописи. РЛ – это летопись XIII века, основной список которой представляет иллюстрированную рукопись XV века. АЛ написана полууставом в конце XV в. АЛ, доведенная до 6927 г., представляет, как выяснил А.А. Шахматов, компиляцию из трех источников: текст от начала до 6714 г. восходит к общему с Радзивилловской летописью протографу, следующие затем известия 6713-6746 гг. (кончая сообщением о взятии Козельска) переписаны из Софийской I летописи старшей редакции, статьи 6746 (после сообщения о взятии Козельска) — 6927 гг. представляют фрагмент сокращенного ростовского летописного свода.

А.А. Шахматов возводил РЛ и АЛ к общему источнику, потому что, хотя летописи совпадают с начала вплоть до 6714 (1206) г., ни РЛ, ни АЛ не могут возводиться друг к другу. В ряде случаев обе летописи (а значит, лежащий в их основе протограф) обнаруживают признаки позднего происхождения XIV-XV вв. (в статье 6662 г. в обеих летописях «половцы» заменены на «татарове»).

Сравнение РЛ, АЛ с ЛЛ обнаруживает существенные расхождения между ними. Исходя из разночтений 6665 (1157)г., 6683 (1175)г., 6684 (1176)г. и 6685 (1177)г., имеющих идеологический характер, А.А. Шахматов и М.Д. Приселков пришли к выводу, что в основе ЛЛ (свода 1305г.) лежал Владимировский свод конца XII века, где текст предшествующего времени не подвергся тенденциозным переделкам, а в основе РЛ (Переяславского свода 1214 – 1216г.г.) – Владимировский свод начала XIII века, прославлявший Всеволода Большое гнездо. Свод начала XIII века, отразившейся в РЛ и АЛ, обнаруживает тенденцию составителя к обновлению языка летописи, который систематически, но не всегда точно, заменяет архаические выражения раннего летописания (сохранившиеся в ЛЛ) более современными и понятными для него [Лурье 1985-г, с.141-143].

Ипатьевская летопись – общерусский свод южной редакции конца XIII века – начала XIV века, его древнейшим списком является используемый нами Ипатьевский список XV века (ИЛ). ИЛ включает в себя три основных памятника: ПВЛ до статьи 1118г., Киевскую летопись от 1119 до 1200г.г. и Галицко-Волынскую летописи от 1208 до 1292 г.г. ИЛ сохранилась в семи списках. Среди специалистов нет единства в определении источников ИЛ: текст ИЛ – сложен, имеет мало аналогий с другими памятниками. А.А. Шахматов выделял четыре источника ИЛ:

1. Общерусский летописный свод, составленный в Суздальской области в начале XIV века, бывшей источником ЛЛ, ИЛ и летописного свода Московского княжества 1479г. В современной науке отвергнуто существование Общерусский летописный свод, а связь между ЛЛ и ИЛ

объясняется влиянием южнорусского летописного свода XII-XIII вв. на Владимирское летописание XII-XIII в. ;

2. Киевский летописный свод, составленный в Киевском Михайловском Выдубицком монастыре в 1199 г. ПВЛ в третьей редакции, согласно существующим в науке суждениям, составленная в 1118 г. в Киево-Печерском монастыре, вошла в ИЛ в составе Киевского летописного свода;

3. Черниговский свод;

4. Галицко-Волынский свод.

М.Д. Приселков предлагал считать Киевский летописный свод 1200 года великокняжеским сводом Рюрика Ростиславича, состоящим из семейной хроники Ростиславичей, летописца Переяславля Южного князя Владимира Глебовича (до 1187г.) и Черниговского летописца князя Игоря Святославича, оканчивающегося сообщением о смерти в 1198 году черниговского князя Ярослава Всеволодовича и вступлении на Черниговский престол Игоря Святославича.

Судьба ИЛ продолжает оставаться невыясненной, а лишь намеченной в общих чертах [Клосс 1985-а, с.123-125].

Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный и Академический списки). Новгородская первая летопись (Н1Л) – древнейшая летопись Новгородской феодальной республики. В основе Н1Л лежала областная новгородская летопись, ведшаяся в епископии, однако новгородское летописание неоднократно соприкасалась с летописанием других древнерусских центров. Н1Л известна в двух изводах. Старший извод представлен Синодальным списком XIII – XIV вв., доводящим изложение до 30-х годов XIV в., однако его значение для установления источников ПВЛ снижено вследствие утраты первых 16 тетрадей (до 1016 г.). Младший извод Н1Л близок Синодальному списку, но продолжает его до 40-х гг. XV в. В ранних известиях Н1Л младшего извода отразился Начальный свод конца XI в., предшествующий ПВЛ. В XIII в. Начальный свод был использован в новгородском летописании.

Младший извод Новгородской первой летописи представлен несколькими рукописями (Комиссионным, Академическим и Толстовским). Для сопоставления нами привлекаются основные списки, датируемые XV в. Летописный текст Комиссионного списка (Н1Лк) в основной части доведен до 1439 г. (л. 28—257). Другим почерком (и на другой бумаге) написаны известия 1440—1446 гг. (л. 257—264), этот же писец переписал также дополнительные статьи на л. 7—13 об., 265—305 об. Третьим писцом написаны статьи на л. 13 об.— 24 об. Список датируется серединой XV в. Академический список (Н1Ла) изобилует многочисленными лакунами, возникшими вследствие утраты листов (рукопись дефектная). Текст списка обрывается на л. 241 об. на середине известия 1441 г., но, исходя из снятых с него в XVIII веке копий, считается, что изложение было доведено до 1444 г. (в Комиссионном списке статья соответствует 1443 г.). А.Н. Насонов относил рукопись к середине XV в., М.Б. Клосс по палеографическим данным датировал список серединой 40-х годов XV в., что подтверждает свидетельство В.Н. Татищева (приобретшего рукопись у раскольников) о его написании в 1444 г. [Клосс 1985-б, с. 134 – 135].

Софийская 1 летопись старшей редакции (списки Карамзина и Оболенского). Софийская 1 летопись (С1Л) датируется XV в. и лежит в основе всех общерусских летописей второй половины XV – XVI вв. В диссертации нами используются списки старшей редакции (Оболенского (С1Ло) и Карамзина (С1Лк)), датируемые 70 – 80 годами XV в. [Клосс 2000, с. VI – VII]. А.А. Шахматов полагал, что в основе С1Л и Н4Л лежал общий протограф – Свод 1448 г. (Новгородско-Софийский свод). По мнению исследователя, этот свод объединял “Софийский временник” (Новгородский свод 20-х гг. XV в.) и общерусский “Владимирский Полихрон” 1421 г. Сопоставление С1Л и Н4Л показало, что текст общего протографа в С1Л передан лучше (что и предопределило наше предпочтение спискам С1Л). Я.С. Лурье, уточняя построения М.Д. Приселкова, считавшего, что общий протограф С1Л и Н4Л опирался на общерусский (митрополичий) свод,

полагал, что общий протограф сам был общерусским (митрополичьим) сводом. Свод 1448 г. “был летописью, составленной в период значительного ослабления московских великих князей в результате феодальной войны 30 – 40 гг. и занимал относительно нейтральную позицию в междукняжеских спорах, которые сводчик решительно осуждал, призывая к национальному объединению...составитель свода считал законным право Новгорода, подчиненного великокняжеской власти, изгонять и вновь приглашать к себе князей-военачальников” [Лурье 1985-д, с. 144 – 146].
